

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 1(44):821.133.1

О.Ф. ЖИЛЕВИЧ, канд. фил. наук, доцент
доцент кафедры межкультурных коммуникаций
Полесский государственный университет,
г. Пинск, Республика Беларусь
E-mail: jilevitch@gmail.com

Статья поступила 11 февраля 2022 г.

ОТ СЛЕПОТЫ К ПРОЗРЕНИЮ: ФИЛОСОФСКО-АЛЛЕГОРИЧЕСКИЙ РОМАН В ТВОРЧЕСТВЕ ЖОЗЕ САРАМАГО

В статье выявляется специфика художественной модели мира в философско-аллегорическом романе «Слепота» Ж. Сарамого. Раскрываются особенности функционирования в нарративе произведения аллегории как художественно-эстетического средства текста и конструктивного фактора в организации прозаического целого. Представлены авторские стратегии в решении нравственно-этических, философских и онтологических проблем.

Художественное своеобразие романа заключается в том, что авторский голос – саркастичен. Автор насмехается над героями, над ситуациями, над социальными и религиозными институтами. В статье утверждается, что иносказание в романе не линейно, а многослойно, может быть прослежено на нескольких уровнях. Аллегоричны у Ж. Сарамого и сюжеты и образы.

Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении философско-аллегорического романа с позиций современной эстетики, культурологии, литературной критики, сравнительно-типологических исследований, что, в свою очередь, позволит углубить понимание современного литературного процесса.

Ключевые слова: философско-аллегорический роман, постмодернизм, сарказм, аллегория, иносказание, обобщение, слепота, метафизика.

JILEVICH O.F., PhD in Philol. Sc., Associate Professor
Polessky State University,
Pinsk, Republic of Belarus

FROM BLINDNESS TO ENLIGHTENMENT: PHILOSOPHICAL AND ALLEGORICAL NOVEL IN JOSE SARAMAGO'S WORKS

The article reveals the specificity of the artistic model of the world in the philosophical and allegorical novel "Blindness" by J. Saramago. The features of functioning in the narrative of the work of allegory as an artistic and aesthetic means of the text and a constructive factor in the organization of the whole prose

are revealed. The author's strategies in solving moral, ethical, philosophical and ontological problems are presented.

The artistic originality of the novel lies in the fact that the author's voice is sarcastic. The author mocks characters, situations, social and religious institutions. The article states that the allegory in the novel is not linear, but multi-layered, and can be traced at several levels. Allegorical in J. Saramago and plots and images.

The results of the study can be used in the further study of the philosophical and allegorical novel from the standpoint of modern aesthetics, cultural studies, literary criticism, comparative typological studies, which, in turn, will deepen the understanding of the modern literary process.

Keywords: philosophical and allegorical novel, postmodernism, sarcasm, allegory, generalization, blindness, metaphysics.

*«Западные общества слепнут...
Вместо того, чтобы решать глобальные
проблемы,
мы предпочитаем ничего не замечать»
(Жозе Сарамаго) [6].*

Введение. Философия и литература – своеобразные союзники: в философии поднимаются вечные проблемы, переходящие из поколения в поколение, в литературе придается острота абстрактной мысли, освещаются основные философские концепции в литературных произведениях.

Философско-аллегорический роман – особая жанровая разновидность романа, которая отличается особой гибкостью и способностью возникать в творчестве самых известных писателей мировой литературы [1, с. 64]. В частности, в XX в. для воплощения своих художественно-эстетических идей к философско-аллегорическому роману обращались и продолжают обращаться такие авторы, как Дж. Голсуорси, А. Жид, Т. Манн, Л. Пиранделло, Г. Уэллс, Т. Фонтане, А. Франс, Ж.-П. Сартр, А. Камю, А. де Сент-Экзюпери, М. Горький, Веркор, А. Мердок, В. Голдинг, Г. Гарсиа-Маркес, Ж. Сарамаго, В. Быков, В. Короткевич, П. Зюскинд, Ж.-М. Г. Леклезю, М. Турнье, С. Жермен.

Творчество португальского писателя Ж. Сарамаго (*José de Sousa Saramago, 1922-2010*), лауреата Нобелевской премии по литературе (1988), представляет собой оригинальный художественный опыт создания жанровых форм философско-аллегорической прозы, в которой преломляются трагические события прошлого века и раскрывается про-

блема сущности человека, его нравственного облика.

Как яркая личность, талантливый писатель и поэт, драматург и переводчик, Ж. Сарамаго привлекал внимание многих исследователей. Кроме монографий (В. Брандао [2], С. Сильва [7], К. Тесче [9]), особый интерес представляют критические статьи, посвященные творчеству и философии Ж. Сарамаго (Е.И. Чебанная, С. Сиротин, Э. Пекер, И. Айвази, Дж. Снедекер [8] и др.). Однако, несмотря на значительное количество научных трудов, в которых выявляется творческий феномен португальского романиста, философско-аллегорический аспект творчества Ж. Сарамаго еще недостаточно изучен, что и обуславливает *актуальность выбранной темы.*

Цель настоящего исследования – выявить специфические черты художественной модели мира в произведении Ж. Сарамаго «Слепота» как философско-аллегорического романа.

Методологическая база исследования имеет комплексный характер и включает в себя герменевтический, культурно-исторический методы, метод целостного анализа художественного текста, методические разработки по проблеме теории жанров.

Материалом для исследования послужил философско-аллегорический роман Ж. Сарамаго «Слепота», в котором поднимаются нравственно-этические, мировоззренческие проблемы, переосмысленные сквозь призму аллегории.

Основная часть. Роман начинается с затора на дороге в безымянном городе и безымянной стране. Водитель машины, которая

явилась причиной пробки, повторяет всего три слова: «Я слепой». Его сопровождает до дома вроде бы добрый незнакомец, который, угоняет его машину. Однако это злодеяние бесполезно, так как вор также вскоре слепнет. Слепота обоих – необычная. Первый слепой консультируется у офтальмолога. Он говорит доктору, что его слепота — пронзительный белый свет, как будто он *«попал в туман или упал в молочное море»* [6, с. 3]. На следующий день доктор тоже ослеп. Вскоре после этого ослепляющая эпидемия затрагивает и других людей в городе.

На протяжении всего романа мы подробно следим за составом из восьми-девяти персонажей. У них нет имен, только незначительные описания внешности. В конце концов, как замечает один персонаж, ослепнув, *«какой прок нам в именах, ни одна собака не узнает другую собаку... по имени, которое ей дали»* [6, с. 52]. На страницах роман автор изображает следующие ключевые персонажи: первый слепой, жена первого слепого, вор-угонщик, доктор и жена доктора, девочка в темных очках, косоглазый мальчик и мужчина с повязкой на глазу, позже добавляется собака.

Как только новость об эпидемии начинает распространяться, правительство пытается ее сдержать. Тех, кто уже ослеп, и тех, кто контактировал с ними, доставляют в заброшенную психиатрическую больницу. Среди первых ослепших — врач и его жена. Жена доктора выдает себя за слепую только для того, чтобы сопровождать мужа в приют. Она – единственный человек, у которого есть зрение, хотя она скрывает это от других.

По мере роста числа слепых в больнице становится невыносимо. Одна группа слепых берет под свой контроль запасы еды и использует ее, чтобы эксплуатировать других, в том числе используя ее как средство принуждения мужчин отправлять своих женщин в группу для незаконного секса. Когда слепые протестуют против невыносимых условий содержания, солдаты, охраняющие приют, стреляют в них со своих постов.

После того, как в больнице начинается пожар, слепые обнаруживают, что сами солдаты ослепли, и убегают. Жена доктора ведет группу слепых в город, который не узнаваем. Нехватка еды и воды привела к мародерству. Улицы заполнены мусором, брошенными

автомобилями и трупами. Посреди этого ужасающего пейзажа семья доктора и несколько других беженцев выживают вместе в старой квартире доктора, делясь своими скудными запасами еды и находя утешение друг в друге. В конце концов, эпидемия проходит, и несколько человек, а затем и другие, снова обретают зрение так же таинственно, как и потеряли его.

Как замечает жена доктора в конце романа: *«Я не думаю, что мы ослепли, я думаю, что мы слепы, Слепые, но зрячие, Слепые люди, которые могут видеть, но не видят»* [6, с. 292].

Итак, является ли «белая слепота» аллегорией? В чем её смысл? Так, к примеру, Дж. Снедекер рассматривает слепоту как аллерию не только личного несчастья, но и как социальную катастрофу [8]. Сам автор в качестве эпиграммы к роману использует цитату из Священного Писания: *«Если способен видеть, смотри. Если способен смотреть, наблюдай»* [3, с. 180].

В интервью после вручения Нобелевской премии писатель сказал: *«Мы слепы, мы извращаем разум, когда уничтожаем нашу жизнь. Наше человеческое достоинство каждый день оскорбляется нашим миром, вселенская ложь заменила множественные истины. Человек перестал уважать себя, когда потерял уважение к своим ближним»* [2, с. 18]. В словах Ж. Сарамыга проскальзывает мысль о том, что люди потеряли себя в современном обществе. Человек изо всех сил старается приспособиться к меняющемуся обществу и осуществить свои мечты. Люди строят планы для достижения своей цели. Они следуют установленным порядкам общества и формируют свои собственные принципы жизни. И если порядки будут нарушены, они могут оказаться в обществе, которое больше не функционирует и страдает от хаоса.

В романе «Слепота» автор поднимает ряд глубоких вопросов о природе социального устройства и человеческого поведения. К примеру, В. Брандао отмечает, что *«В прямом значении «слепота» – это лишение зрения; но тот человек, чей разум замутнен, не похож ли он немного на слепца, не воспринимающего физических предметов? «Слепота» – это отсутствие нравственности»* [2, с. 29].

Ж. Сарамаго использует слепоту, чтобы создать аллгорию о падении человечества и морали в современном обществе. Автор предполагает, что современное общество не сможет существовать в рамках постмодернистского мировоззрения в сфере насилия, угнетения и отсутствия сочувствия. Достаточно вспомнить современные проблемы дискриминации малых наций, гражданские войны, геноцид в Косово, Уганде, Конго, Руанде.

На протяжении всего романа читатель наблюдает, что происходит, когда социальные нормы смешиваются и теряют свое значение. Можно ли жить без законов и регулирующих их институтов? Могут ли люди стать десоциализированными? Какую власть бюрократия и государства могут оказывать на человека? Все эти вопросы читатель может задать самому себе после прочтения романа.

Многие критики интерпретируют произведение «Слепота» с экзистенциальной точки зрения и сравнивают его с романом А. Камю «Чума» (1947), особенно, что касается абсурдной логики перед лицом эпидемии [5], [8]. С этой точки зрения *Слепота* — это аллгория человеческого состояния. В отсутствие социальных или культурных норм мы яснее понимаем суть человечества. Резкое изображение Ж. Сарамаго насилия, изнасилований и потери чести и достоинства усиливает пессимистические представления о жестокости человечества.

Роман «Слепота» также отсылает читателя к дарвинистским представлениям о выживании наиболее приспособленных человеческих особей. В этом случае можно сравнить «Слепоту» с романом «Повелитель мух» (1954) У. Голдинга. В обоих романах отчетливо видны последствия эволюционного (или евгенического) видения общества. В романе, когда все одинаково ослеплены, власть добывается силой. Мужчины с оружием насиляют женщин. Более сильные мужчины контролируют запасы еды. Тем не менее, другие слепые делятся последним, что у них есть, со слабыми. Таким образом, роман можно рассматривать как моральный урок о добре и зле, но он также отражает человечность и доброту, которые могут воплощать люди.

Роман «Слепота» примечателен и с феминистской точки зрения. На символическом и телесном уровне жена врача — единствен-

ный персонаж, который не потерял зрение или видение. В феминистской мысли видение представляет собой знание. Ж. Сарамаго переинтерпретирует типичную роль безмолвной женщины и превращает ее в единственно возможного знающего. Однако эта способность по-прежнему не дает ей преимуществ, поскольку она снова подвергается объективизации, изнасилованию и жестокому обращению. Она не может раскрыть свою единственную силу, свою способность видеть, из страха быть использованной или наказанной. Так что, хотя ее положение выгодно, но только относительно.

Можно даже сказать, что ее видение становится обузой, поскольку традиционные гендерные роли не меняются местами. Она остается «женой врача», чья роль «воспитателя» усиливается десятикратно. Слепая группа использует ее как компас. В разговоре жены врача с девушкой в солнечных очках она говорит: *«Сегодня есть сегодня, завтра принесет то, что принесет завтра, сегодня моя ответственность, а не завтра, если я ослепну. Что вы понимаете под ответственностью? Ответственность за то, что у меня есть зрение, когда другие его потеряли. Вы не можете надеяться направить или накормить всех слепых людей в мире, я должна»*. [6, с. 225]

Способность жены доктора видеть, кажется, не дает ей покоя. Она не воспринимает зрение как источник силы, а скорее наоборот. Она замечает: *«Вы не знаете, вы не можете знать, что значит иметь глаза в мире, в котором все остальные слепы, я не королева, нет, я просто тот, кто родился, чтобы видеть этот ужас»* [6, с. 247].

Очевидна связь аллгории в романе Ж. Сарамаго с аллгорией в диалоге Платона «Государство». К примеру, в конце произведения португальского писателя, один из персонажей говорит, что, возможно, они никогда по-настоящему и не были слепы, что, возможно, они — зрячие, но при этом ничего не видят и не понимают. Аналогия между «видением» и «пониманием» — одна из наиболее древних идей западной философии. Аллгория Платона о пещере приоткрывает смысл иноказательного повествования Ж. Сарамаго.

Чтобы понять взаимосвязь между видением и пониманием, рассмотрим аллгорию о

пещере в «Государстве» Платона. У Платона показана группа людей, сидящих в один длинный ряд в темной подземной пещере. Прикованные к своим стульям с детства, люди могут видеть только дальнюю стену пещеры и свои собственные тени. Важно отметить, что «заключенные» не осознают, что их держат в плену, поскольку их существование — это все, что они когда-либо знали. Это может указывать на то, что обычные люди слепы и могут видеть только «форму» предмета.

В книге *«Путеводитель по основным текстам от Платона до Руссо»* Дж. Дэй пишет: «Поскольку люди в цепях не могут видеть настоящий объект или огонь, они думают, что тени составляют реальность. Это низший уровень понимания» [3, с. 30]. В романе «Слепота» Ж. Сарاماго люди вновь обретают зрение и видят мир более ясными глазами. Как и в книге Платона, аллегория пещеры заканчивается освобождением узников от цепей. Они видят позади Пещеры огонь и предметы, находящиеся перед ним. Люди понимают, что их первый уровень понимания был всего лишь иллюзией, основанный на невежестве. Платон «позволяет» нескольким людям выйти из пещеры, чтобы познать реальный мир. Дж. Дэй говорит, что эти люди обретают свой разум и знание долгим и трудным путем. В слепоте люди не испытывают великое бедствие, чтобы увидеть реальный мир. То, во что они раньше верили, оказывается мусором. То, на что они не взглянули, — это сокровище. Они находят истинный смысл жизни.

В романе «Слепота» Ж. Сарاماго создает мир слепоты, чтобы указать на ограниченный разум людей. Интересно отметить, что единственный зрячий персонаж, жена доктора, является рассказчиком истории. Она помогает слепым людям выжить. Ее глаза позволяют ей увести остальных в безопасное место. Ее глаза позволяют ей в некоторой степени контролировать ситуацию. Она убивает слепых людей, вызывая хаос. Итак, какую же роль играет образ жены доктора в романе?

Она принимает ситуацию с эпидемией слепоты и остается с небольшой группой последователей. Что же придает ей исключительность и не дает страдать от болезни?

Литературный критик Л. Клейман рассматривает образ жены доктора как образ

пророчицы. Она — лидер, который пытается справиться с хаосом [5, с. 74]. Сравним с повествованием в диалоге «Государство»: некоторые мужчины, потенциальные философы, покидают пещеру раньше других. Они идут трудным и долгим путем, чтобы выйти наружу. Сначала их ослепляет сильный свет. Но вскоре они привыкают к свету и видят реальный мир. Получив настоящие знания, эти люди возвращаются в пещеру. Философы могут быть сбиты с толку, возвращаться ли в пещеру. У них появляется желание убежать от тьмы. Тем не менее, они осознают, что обязаны помогать тем людям, которые находятся в невежестве в Пещере, используя свое знание реальности.

Если мы относим видение к пониманию, обладание видением очень похоже на обладание знанием. Жена доктора может видеть мир. Ее блестящие глаза отличают ее от других. Используя аналогию, мы можем сказать, что знания людей отличают их от общей толпы. Однако, что такое знание? Изучение знаний ли познание называется эпистемологией. Она может решать проблему различия между мышлением, что мы что-то знаем, и фактическим знанием этого. Без различия этих понятий мы могли бы просто жить в фантазии.

В своем научном исследовании «Философия: введение через литературу» философы Л. Клейман считает, что знание очень похоже на сканер в супермаркете. Оно может идентифицировать молоко, но оно не определит контейнер с молоком. Человек, в отличие от сканера в супермаркете, может не только распознавать вещи и познавать, как сделать ту или иную вещь, но также может знать, что что-то не так [5, с. 104]. Вместо того, чтобы убежать от хаоса, жена доктора решает остаться со слепыми и помочь людям восстановить порядок. Ясно видя мир, ее можно рассматривать как философа. Люди, достигшие просветления, заслуживают того, чтобы быть лидерами и руководить остальными. В «Республике» Платона также подчеркивается, что философ может *«занять трон, что философ способен показать людям связь между различными уровнями понимания и путями, которыми люди могут переходить с одной стадии на другую ... Работа философа состоит не в том, чтобы находить сущности вещей, а в том, чтобы исследовать убедительность и понятность различных опре-*

делений и исследовать их отношения друг к другу» [3, с. 31].

Когда доктор узнает, что его жена не слепа, и убеждает ее уйти из психиатрической больницы: «Я скажу, что ты не слепая и попрошу их отвезти тебя домой. Я скажу, что ты солгала, чтобы остаться со мной» [6, с. 41]. Жена доктора отказывается покинуть его, она говорит: «Нет смысла, они тебя там не услышат, а если бы и услышали, то не обратили бы внимания... Нет, любовь моя, я остаюсь, чтобы помочь тебе и другим, кто может прийти сюда, но не говори им, что я вижу». [6, с. 40] Итак, жена доктора держит в секрете то, что она не слепая, а видит. Почему же она решает молчать и притворяется, будто она тоже слепа? Опасно открыть правду?

Ж. Сарамого, подобно Платону, задается вопросами: Что будет, если вышедший заключенный побежит обратно в пещеру и расскажет остальным о случившемся с ним? Люди познают реальный мир, отличный от того, который в Пещере? Будут ли другие видеть в нем сумасшедшего? В реальном мире есть много философов, пытающихся раскрыть истину, однако они часто страдают от непонимания и насмешек. Например, когда западная церковь верила в то, что мир прочно стоит и не может сдвинуться с места, Галилей придерживался другой идеи. Он обнаружил, что Солнце находится в центре Вселенной, а Земля, наоборот, движется. Его попросили отречься от своего мнения, и объявили еретиком, инакомыслящим. Галилей пострадал от того, что сказал миру правду. Ж. Сарамого убежден, что мир безумен и слеп. Решение его персонажа хранить молчание разумно. Если жена доктора расскажет другим правду, ее могут выписать из больницы, но это не улучшит ситуацию. Оставаясь со слепыми и ведя их к порядку, она понемногу излечивает «слепоту».

Заключение. Таким образом, в основе романа «Слепота» – аллегория. Таинственная болезнь «белая слепота» может означать личное несчастье, социальную катастрофу и ограниченность человеческого разума. Использование аналогии помогает нам раскрыть смысл книги и легко уловить идею. Чтобы узнать взаимосвязь между видением и пониманием, мы прибегли к изучению Аллегории о пещере Платона в его труде «Рес-

публика». Слепые в романе Ж.Сарамого подобны узникам, пойманым в пещере. Единственная зрячая, жена доктора, может рассматриваться как заключенный, познавший реальный мир раньше других. Ее роль не только философа, но и пророка. Она остается со слепыми и пытается навести порядок в хаосе, своими яркими глазами она ясно видит реальный мир. Человек с «реальным знанием» может «подойти», чтобы описать его. Однако это могло бы привести к еще более хаотической ситуации, если бы она сначала открыла другим свое оставшееся видение. Расправляясь со слепотой и мало-помалу просвещая людей, жена доктора играет роль философа и лидера.

Творчество Ж. Сарамого открывает новые горизонты для создания многочисленных аллегорий, ставя вопрос о литературе (насколько искусственный реализм?), экзистенции (способны ли мы к подлинному существованию?), политике (что осталось от политики идентичности?) и законе (где мы определяем границы, что и кого мы исключаем и почему?).

Список литературы

1. Жилевич, О. Ф. Роман «Дорога» К.Маккарти как аллегория апокалипсиса в XXI веке / О. Ф. Жилевич // Веснік Палескага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя грамадскіх і гуманітарных навук: навуко-практычны журнал. – 2021. – № 1. – С. 64-73.
2. Brandão, V. Alegoria e mito em “A caverna” De José Saramago / V. Brandão. – Universidade: Pontifícia Universidade Católica de Minas Gerais Obs, 2005. – 184 p.
3. Day, J. Plato: The Republic. The Political Classics: A Guide to the essential texts from Plato to Rousseau / J. Day. – Oxford, New York : Oxford, 1992. – 180 p.
4. Keens-Soper, M. A guide to the essential texts from Plato to Rousseau / M. Keens-Soper. – New York : Oxford University Press, 1992. – 224 p.
5. Kleiman, L. An Introduction Through Literature / L. Kleiman. – New York : Paragon House Publishers, 1990. – 618 p.
6. Saramago, J. Blindness / J. Saramago. – London : Harcourt, 1997. – 150 p.
7. Silva, S. O iberismo e a Europa em «A Jangada de pedra» de José Saramago / S. Silva. –

Le Mirail, França : Université de Toulouse, 1998 – 164 p.

8. Snedeker, G. Between Metaphor and Referent : Reading Saramago's Blindness / G. Snedeker. – Mode of access: <http://www.webster.edu/~corbetre/personal/reading/saramago-blindness.html>. – Date of access: 28.03.2022.
9. Tesche, C. História e poder: uma leitura de «levantado do chão» / C. Tesche. – Universidade de São Paulo, Brasil 2007. – 206 p.

References

1. Jilevich O.F. Roman «Doroga» K.Makkarti kak allegoriya apokalipsisa v XXI veke [The novel "The Road" by K. McCarthy as an allegory of the Apocalypse in the XXI century] *Vestnik Poleskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya obshhestvenny`kh i gumanitarny`kh nauk* [Bulletin of Polesky State University. Series in Social Sciences and Humanities]. 2021, no. 1, pp. 64-73. (In Russian)
2. Brandão V. Alegoria e mito em “A caverna” De José Saramago. Universidade: Pontificia

Universidade Católica de Minas Gerais Obs, 2005, 184 p. (in Portuguese)

3. Day J. Plato: The Republic. The Political Classics: A Guide to the essential texts from Plato to Rousseau. Oxford, New York : Oxford, 1992, 180 p.
4. Keens-Soper, M. A guide to the essential texts from Plato to Rousseau. New York : Oxford University Press, 1992, 224 p.
5. Kleiman L. An Introduction Through Literature. New York : Paragon House Publishers, 1990, 618 p.
6. Saramago J. Blindness. London: Harcourt, 1997, 150 p.
7. Silva S. O iberismo e a Europa em «A Jangada de pedra» de José Saramago. Le Mirail, França : Université de Toulouse, 1998, 164 p. (in Portuguese)
8. Snedeker G. Between Metaphor and Referent : Reading Saramago's. Available at: <http://www.webster.edu/~corbetre/personal/reading/saramago-blindness.html>. (accessed: 28.03.2022).
9. Tesche C. História e poder: uma leitura de «levantado do chão». Universidade de São Paulo, Brasil 2007, 206 p. (in Portuguese)

Received 11 February 2022